

ПОДГОТОВКА РЕВОЛЮЦИИ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ В УСЛОВИЯХ БЮДЖЕТНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ США

© 2015 г. **А.А. Кокошин, В.И. Бартенев, В.А. Веселов***

Статья поступила в редакцию 5.08.2015.

В ноябре 2014 г. руководством Министерства обороны США было официально объявлено о запуске «Оборонной инновационной инициативы» (Defense Innovation Initiative). Она призвана стать стержнем «Третьей стратегии компенсации» (Third Offset Strategy), нацеленной на обеспечение технологического превосходства США в военной сфере в XXI веке и осуществление новой революции в военном деле (РВД) вопреки логике бюджетной экономии. В статье рассматриваются истоки, содержание, ключевые компоненты данной инициативы, а также возможные препятствия на пути её реализации. В заключение даётся оценка роли американских планов подготовки новой РВД в выполнении целей и задач долгосрочной стратегии национальной безопасности США в XXI веке.

Ключевые слова: США, революция в военном деле, технологическое превосходство, национальная безопасность, бюджетные ограничения, военные расходы, НИОКР, оборонная политика.

Одним из общих мест в современной международно-политической науке считается констатация усиления влияния технологических факторов на мирополитические процессы. При этом специалисты обращают внимание не только на отдельные технологические достижения и последствия их внедрения, но и на параметры более общего порядка, такие как направление научно-технического прогресса, его темпы, величина технологического разрыва между странами и т.д. [24; 42]. Эти переменные обязательно учитываются при прогнозировании перспектив глобального развития и при планировании собственного развития на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы.

* КОКОШИН Андрей Афанасьевич – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (dekanat@fmp.msu.ru); БАРТЕНЕВ Владимир Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Центра проблем безопасности и развития при ФМП МГУ (vladimir.bartenev@fmp.msu.ru); ВЕСЕЛОВ Василий Александрович – старший преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (vves@fmp.msu.ru). Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д.1, стр.51, 1-й Гуманитарный корпус.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

Хотя поощрение развития науки и технологий служит неотъемлемым элементом стратегии национальной безопасности в самом широком смысле этого слова, наибольшее внимание данному вопросу традиционно уделяется в оборонной сфере, где риски технологического отставания и дивиденды технологического превосходства наивысшие. За XX век человечество успело привыкнуть к тому, что наиболее передовые технологии – атомная энергия, планарная технология, интернет – появляются на свет в результате военных разработок. Однако почти все прогнозные оценки свидетельствуют о том, что в XXI веке инновации будет генерировать, в первую очередь, гражданский сектор науки и промышленность. Темпы и масштабы этой трансформации будут определяться в конечном счёте представлениями о том, какие технологии будут наиболее востребованными в вооружённых конфликтах будущего. Вопросом формирования обоснованных представлений такого рода озабочены руководители военных ведомств всех ведущих государств мира. Дополнительный стимул к интеллектуальным поискам в этом направлении придаёт тот факт, что подавляющее большинство стран в настоящее время сталкиваются с серьёзными бюджетными ограничениями в проведении своей военной политики и строительстве вооружённых сил.

Не исключение в этом отношении и Соединённые Штаты Америки, которые обладают самым крупным в мире военным бюджетом, а также значительно превосходят другие страны мира по размерам военных затрат на душу населения и на одного военнослужащего [8, с.48–49]. Вот уже несколько лет после принятия закона «О контроле над бюджетом» [12] администрация США вынуждена действовать в условиях значительной бюджетной экономии, что предусматривает, среди прочего, и сокращение большинства статей, связанных с проведением внешней политики и обеспечением национальной безопасности [7; 8], включая расходы на национальную оборону. Всего с 2011 по 2015 фин. г. расходы на национальную оборону сократились почти на 20% – с 691 млрд. до 560 млрд. долл., а расходы на НИОКР за 2009–2015 фин. годы были урезаны на 28% (с 89 млрд. до 64 млрд. долл.).*

При этом США по-прежнему обладают крупнейшим в мире военным бюджетом, намного превосходя в этом отношении, в частности, Китай, который как известно, в 2014 г. с учётом паритета покупательной способности сравнивался с США по ВВП. Эти расходы Соединённых Штатов составляют примерно половину всех военных расходов в мире.

Тем не менее США не только не отказываются от претензий на глобальное лидерство в XXI веке, но и постоянно ищут новые пути его обеспечения, в том числе и в военной сфере. С этой точки зрения весьма значительный интерес представляет запущенная бывшим министром обороны Ч. Хейглом осенью 2014 г. «Оборонная инновационная инициатива» (*Defense Innovation Initiative* –

* Следует обратить внимание на то, что в первую очередь сокращениям подверглись те счета, которые ориентированы на подготовку «сил завтрашнего поколения» (*Next Force*), в то время как НИОКР для «сил послезавтрашнего поколения» (временной горизонт – 8/20 лет), сократились минимально и на обозримую перспективу до 2020 фин. г. сокращениям подвергаться не будут. Подробнее о динамике финансирования сферы оборонных НИОКР и военных расходов в США см.: [2].

ДП, далее – ОИИ). Она призвана стать стержнем так называемой «Третьей стратегии компенсации» (*Third Offset Strategy*, далее – СК-3), которая нацелена на обеспечение технологического превосходства США в военной сфере в XXI веке и осуществление новой революции в военном деле * вопреки логике бюджетной экономии.

Цель этой статьи состоит в том, чтобы обозначить истоки, содержание и ключевые компоненты указанной инициативы, которая пока рассматривалась лишь в нескольких исследованиях американских аналитических центров [14; 16; 23], тесно сотрудничающих с военным ведомством США, и ещё не становилась предметом отдельного изучения в отечественной научной литературе.

В русле многолетних традиций Института США и Канады РАН авторы стремятся рассмотреть новейшие тенденции в развитии военной, военно-технической и военно-экономической политики США с точки зрения их практической значимости для принятия решений в области обороны в Российской Федерации. Предлагаемый материал отражает некоторые промежуточные результаты, достигнутые в рамках целевого исследовательского проекта РГНФ, который выполняется на базе факультета мировой политики МГУ с 2015 года.

* * *

Истоки идеи «Третьей стратегии компенсации», по всей видимости, восходят к проекту *NextTech*, реализовывавшемуся международной консалтинговой компанией *Noetic Group* по заказу Управления по технологиям быстрого реагирования (*Rapid Reaction Technology Office*) при аппарате заместителя министра обороны по закупкам, технологиям и логистике под научным руководством д-ра Питера У. Зингера [31]. Его целью было понять, что представляет собой «технология, меняющая правила игры» (*game-changing technology*), как правильно идентифицировать такого рода технологии и как не отстать от них, а также предложить набор рекомендаций по осуществлению планирования и финансирования научно-технологических разработок в эпоху ресурсных ограничений. Участниками проекта наряду с представителями МО были ведущие специалисты по научно-техническому прогнозированию, руководители ряда научно-исследовательских центров, представители оборонной промышленности, инвесторы и представители венчурных фондов.

По итогам работы, включавшей как экспертные опросы, так и несколько военных игр, проводившихся в партнёрстве с такими организациями, как Военный колледж Сухопутных войск (Армии) США (*U.S. Army War College*), Военно-морская академия США (*U.S. Naval Academy*) и др., было дано следующее определение «технологий, меняющих правила игры»: «технология или набор технологий, применение которых радикальным образом меняет соотношение военной мощи между конкурентами и моментально делает устаревшими политику, доктрины и управленческие механизмы всех игроков». Кроме того, были определены пять технологических сфер, прорывы в которых могут оказать наибольшее влияние на военную сферу: 1) аддитивные технологии; 2) автоматизированные системы; 3) использование направленной энергии; 4) кибертехнологии; 5) модификация возможностей человека [11].

* Подобнее о революции в военном деле см.: [5; 6].

Идеи, высказанные в рамках проекта *NextTech*, были развиты Центром за новую американскую безопасность (*Center for New American Security – CNAS*), который издал в сентябре 2013 г. доклад «Технологии, меняющие правила игры, и оборонная стратегия США», содержащий ряд практических рекомендаций Конгрессу, Министерству обороны и правительству США в целом касательно оптимизации научно-технологического прогнозирования и стратегического планирования в оборонных целях [11].

Данные рекомендации довольно быстро нашли путь наверх. Связано это было с тем, что в апреле 2013 г. Совет директоров Центра за новую безопасность США возглавил Р. Уорк, который в феврале был назначен Б. Обамой и утверждён Сенатом в качестве первого заместителя министра обороны Ч. Хейгла. Прошло всего несколько месяцев, и именно Р. Уорком в выступлении в Университете национальной обороны был впервые озвучен термин «Третья стратегия компенсации» и обозначены её контуры [35].

Понятие «стратегии компенсации» Р. Уорк употребил сознательно, проводя прямые исторические параллели. В качестве первой стратегии такого рода (СК-1) им рассматривалась концепция «Нового взгляда»^{*} Д. Эйзенхауэра 1950-х годов; в качестве СК-2 – «стратегия компенсации» середины 1970-х годов. Помимо общей стратегической направленности все три «модификации» роднит схожая ситуация с ресурсным обеспечением военной политики – общее сокращение военных расходов (см. рисунок).

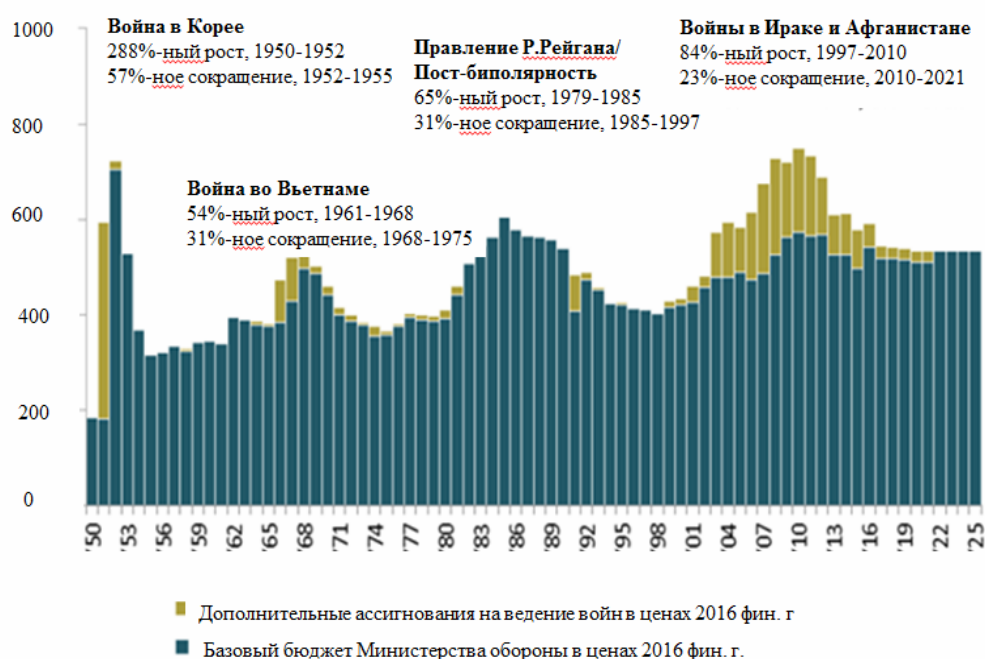
Концепция «Нового взгляда», родившаяся после завершения войны в Корее в условиях масштабного сокращения расходов, делала акцент на компенсации безусловного преимущества СССР и КНР в численности вооружённых сил и обычных вооружений посредством наращивания ядерного арсенала и готовности осуществить «массированное возмездие» даже в случае сугубо конвенционального конфликта. Речь шла о быстром росте СЯС (пока ещё однокомпонентных), а также о довольно широком внедрении тактического ядерного оружия, рассматривавшегося прежде всего как средство поля боя.

На смену «массированному возмездию» пришла так называемая стратегия «гибкого реагирования», одним из элементов которой были планы ведения Соединёнными Штатами ограниченной войны на основе «управляемой эскалации», с применением в том числе тактического ядерного оружия (которое в тот период времени бурно развивалось в США). Ставка на применение тактического ядерного оружия США и НАТО на ранней стадии конфликта была обусловлена политическими отношениями между союзниками и длительным сроком стратегического развертывания сил альянса на ТВД. Эта концепция «натянутой проволоки» подвергалась резкой критике многими западноевропейскими политиками и военачальниками. Не все одобряли такого рода политику и в США, поскольку она, если и была логически обоснованной в период значи-

^{*} Этот термин употребил 14 декабря 1953 г. председатель КНШ адмирал А. Рэдфорд в своём выступлении в Национальном клубе печати в Вашингтоне для характеристики первого проекта военного бюджета, подготовленного новой администрацией (на 1955 фин. г.). Поскольку это было выступление перед представителями прессы, для оценки изменений в подходах к военному строительству адмирал использовал жаргон, связанный с новым стилем женской одежды *New Look*, предложенным Кристианом Диором в 1947 г.

тельного превосходства США в ядерной сфере, то с приобретением СССР соизмеримой ядерной мощи к концу 1960-х годов свою убедительность начала резко терять.

Рисунок. Расходы Министерства обороны США, включая базовый бюджет и ассигнования чрезвычайного характера, млрд. долл.

[9, p. 19].

В качестве СК-2 Р. Уорком рассматривалась «стратегия компенсации» середины 1970-х – 1980-х годов, архитекторами которой считаются министр обороны США, известный учёный-физик Г. Браун и его заместитель по вооружениям У. Перри (позже, в 1990-е годы Перри занимал пост министра обороны США в администрации Клинтона). Кстати, именно У. Перри и ввёл в обращение в 1991 г. термин «*offset strategy*» в работе, посвящённой анализу уроков войны в Персидском заливе [32].

Если СК-1 была реакцией на итоги войны в Корее, то СК-2 непосредственно связана с унижительным поражением США в Индокитае. И в том, и в другом случае высшее политическое руководство Соединённых Штатов исходило из предположения о том, что впереди – период длительного противоборства с основным противником, борьба «на истощение».

В США и других странах НАТО считали, что соотношение сил ОВД и НАТО в Европе по обычным вооружениям и силам общего назначения складывается не в пользу Североатлантического альянса; причём ни о какой ликвидации этого дисбаланса посредством наращивания численности контингентов Сухопутных войск речи идти не могло. Более того, действовали жёсткие ресурсные ограничения. В ситуации, когда после окончания войны во Вьетнаме, военный бюджет сократился почти на 100 млрд. долл. (в ценах 2015 г.) по сравнению с пиковыми значениями конца 1960-х годов, необходимо было най-

ти такую стратегию, которая при относительно малых экономических затратах давала бы значительный политический эффект за счёт создания новых военно-технологических инструментов*.

В этих условиях было принято решение о запуске программы долгосрочного планирования исследований и разработок в области обороны (*Long-Range Research and Development Planning Program – LRRDPP*) по выявлению прорывных технологий. Данная программа реализовывалась в 1973–1974 гг. под эгидой Агентства перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ (*Defense Advanced Research Projects Agency – DARPA*) и Ядерного оборонного агентства (*Defense Nuclear Agency*). Целью программы было «оценить, какие изменения в направленности программы исследований и разработок в области обороны требовала новая доктрина гибкого реагирования». Команда разработчиков анализировала семь возможных конфликтных сценариев в рамках макросценария ограниченной войны с СССР и предлагала технологические решения, исходя из простой мысли о том, что высокоточное оружие в неядерном оснащении может быть настолько же эффективным средством сдерживания, как и ядерное. Программа идентифицировала 10 технологий и образцов техники, интеграция которых друг с другом могла обеспечить такое превосходство: 1) применение разнообразных датчиков нового типа для рывка в развитии систем наведения высокоточного оружия; 2) технологии целеуказания для высокоточного оружия с использованием оптических и радиолокационных средств; 3) каналы передачи данных; 4) сжатие информации; 5) принципиально новое минное оружие для ВМС и Сухопутных войск; 6) ствольная артиллерия и реактивные системы залпового огня нового поколения с высокоточными боеприпасами; 7) транспортные средства повышенной мобильности; 8) телекодированная связь посредством пакетирования данных; 9) микропроцессорные технологии; 10) крылатые ракеты и дистанционно пилотируемые летательные аппараты [17; 19]. Одним из результатов данной программы был запуск в 1978 г. *DARPA* проекта *Assault Breaker*, направленного на создание разведывательно-ударных комплексов (на основе РСЗО и баллистических ракет).

Результаты *LRRDPP* послужили основой для принятия решения о том, чтобы сделать ставку, прежде всего, на новейшие технологии в сфере электроники, в которых США, как считали в Вашингтоне, на тот момент существенно опережали Советский Союз. Началась разработка целого комплекса технологий для высокоточного оружия, для комплексов управления, связи, разведки, целеуказания, навигации. Считается, что в результате был обеспечен ряд технологических прорывов, которые, по западным оценкам, свели на

* Следует оговориться, что история СК-2 состоит из двух этапов, различающихся ресурсным обеспечением. Если в 1970-е годы действовали экономические ограничения, то после прихода к власти Р. Рейгана они были значительно ослаблены, и было это связано с политическим решением о переходе от «осады» противника к его «штурму». Необходимо также отметить, что такую же логику, как СК-2, имела и «Стратегическая оборонная инициатива» Р. Рейгана. Можно даже считать, что СОИ была составной частью СК-2, но дело в том, что сами авторы трактуют «стратегию компенсации» достаточно узко, ограничивая её последствиями информационной революции, резко расширившей возможности ведения боевых действий ниже ядерного порога.

нет преимущества ОВД в традиционной военной технике, особенно в танках и ствольной артиллерии.

Все действия США были направлены на радикальное повышение боевых возможностей обычных вооружений, сил общего назначения США и их союзников, для того, чтобы с их помощью можно было успешно противостоять силам ОВД на «доядерном» уровне при значительном превосходстве СССР и его союзников в танках и других боевых бронированных машинах, в ствольной артиллерии, реактивных системах залпового огня и других средствах. Сильный импульс в своем развитии в США получили целые сегменты промышленности, закрепившие лидерство соответствующих американских компаний. Отмечается, что тем самым была повышена и национальная конкурентоспособность, и национальная безопасность США.

Нынешний министр обороны США Эштон Картер, в своё время обращал внимание на то, что «вторая стратегия компенсации» имела два основных компонента: 1) размещение более продвинутых технологий посредством «агрессивных инвестиций» в исследования и разработки и создания нового поколения высокотехнологичного ВПК; 2) лишение потенциальных противников доступа к технологиям с помощью системы экспортного контроля и защиты технологических секретов [13].

Окончание «холодной войны» не позволило определить реальную эффективность СК-2, однако преимущества, полученные в ходе её реализации, были в полной мере продемонстрированы во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г., которая явила всему миру значительное американское военное превосходство в силах общего назначения и обычных вооружениях, продлившееся четверть века. Разработанные тогда технологии – с небольшими изменениями – применялись во всех ключевых войнах и вооружённых конфликтах, в которых участвовали США с того момента – на территории бывшей Югославии, в Афганистане, Ираке, Ливии.

Однако к началу второго десятилетия XXI века, говорил Р. Уорк в своей речи в Университете национальной обороны, обстановка изменилась: другие страны, а также негосударственные игроки, внимательно изучив американский метод ведения боевых действий, выделили его слабые стороны и «окна уязвимости», а технологии распространились по всему миру*.

* Наибольшее рвение в изучении американского опыта продемонстрировал, безусловно, Китай. Как справедливо отмечает отечественный Китаевед В.Б. Кашин, «эффектный разгром силами возглавляемой США международной коалиции иракской армии, построенной по советскому образцу и относительно хорошо оснащённой (в этом отношении ВС Ирака в 1991 г. явно превосходили НОАК), произвёл глубочайшее впечатление на китайское военное руководство... Всё последующее строительство китайских вооружённых сил проходило под знаком скрупулезного изучения западных военных концепций и опыта реальных военных операций, постепенного выборочного переноса западных решений на китайскую почву и попыток выработки асимметричных мер противодействия там, где простое воспроизведение этих готовых решений не работает» [4, с.111–112]. Так, например, в Центральном военном совете КНР обратили внимание на то, что одним из условий успеха военных операций 1990-х – начала нулевых была неспособность противников США (Ирак дважды, бывшая Югославия, Афганистан, Ливия) помешать сосредоточению сил многонациональных коалиций на ТВД. По имеющимся сведениям, в КНР внимательно изучали соответствующие американские концепции. Китайская противоваианская система на основе БРСД «Дунфэн-21» построена как разведывательно-ударный комплекс, а идеология её применения

В итоге возникла весьма высокая вероятность ситуации, «при которой ВС США на театре боевых действий столкнутся с противником, обладающим арсеналом передовых технологий, способных нивелировать [американское] технологическое превосходство, и они лишатся открытого доступа к ТВД или оперативной свободы манёвра» [35]. Цель СК-3 состоит как раз в том, чтобы не допустить воплощения такого сценария в жизнь.

Спустя несколько месяцев после выступления Р. Уорка идея обрела ещё более чёткие очертания и была публично представлена министром обороны Ч. Хейглом 15 ноября 2014 г. на Национальном оборонном форуме имени Р. Рейгана в Президентской библиотеке Р. Рейгана в Сими-Вэлли, Калифорния [33] «под маркой» Оборонной инновационной инициативы – ОИИ (*Defense Innovation Initiative*) и закреплена в отдельном меморандуме [37]. Целью инициативы провозглашался поиск инновационных способов сохранения и приумножения военного превосходства США в XXI веке, а её ключевыми компонентами должны были стать:

- запуск новой программы *LRRDPP* по выявлению, разработке и постановке на вооружение прорывных технологий и образцов вооружений и военной техники (ВВТ);
- возобновление практики проведения военных игр (*wargaming*) в целях формулирования более чёткого представления о будущей военно-политической и стратегической обстановке, формах и методах ведения боевых действий;
- разработка новых оперативно-тактических концепций;
- усовершенствование системы оборонных закупок.

Отставка Ч. Хейгла и назначение новым министром обороны Э. Картера не только не замедлила реализацию ОИИ, но, наоборот, послужила для неё новым стимулом. В 1990-е годы Э. Картер был заместителем «архитектора» СК-2 У. Перри*, под руководством которого стал известным сторонником использования передовых технологий для получения Соединёнными Штатами решающего военного превосходства в сфере сил общего назначения и обычных вооружений [13]. При этом известно, что в 1980-е годы Э. Картер активно выступал против рейгановской программы СОИ, в которой значительная роль отводилась созданию противоракетных систем на новых физических принципах [15].

Хотя с момента запуска инициативы прошло чуть менее года, в ходе её реализации были достигнуты вполне ощутимые результаты, которые заслуживают внимания.

* * *

Новая программа *LRRDPP* мыслится как прямое повторение на новом историческом отрезке одноименной программы 1970-х годов, принесшей столь значительные плоды. В ноябрьском меморандуме, посвященном ОИИ, конкретные технологические сферы не назывались, но в своём выступлении Ч. Хейгл прямо сказал, что акцент будет сделан на робототехнике, автомати-

в какой-то мере воспроизводит американскую концепцию 1980-х годов «удара по вторым эшелонам» (*FOFA*). См. также: [30].

* Одна из их совместных работ переведена на русский язык: [3].

зации, миниатюризации, технологиях «больших данных» и 3D-печати [33], породив определённые ожидания у подрядчиков. Однако уже в скором времени установки были несколько скорректированы.

В декабре 2014 г. Министерство обороны США разместило в публичном доступе Запрос предложений (*Request for Information*) [41], обращённый к самой широкой аудитории. Цель запроса – идентифицировать уже имеющиеся или эмерджентные* технологии или проекты технологически-ориентированных концепций, использование которых обеспечит военное превосходство США и их партнёрам и союзникам на перспективу до 2030 года, и, что важно, при проведении операции «против равного или почти равного соперника» (курсив наш – *A.R., B.B., B.B.*). Осознавая, что собственно оборонные производства больше не являются главными источниками инноваций, Министерство обороны изначально запрашивало предложения и от гражданского сектора, включая компании и научно-образовательные учреждения «вне традиционной орбиты». Министерство обороны США заинтересовано в выявлении технологий трёх типов: 1) технологии достаточной степени зрелости, которые могут быть применены по-новому с целью создания новых боевых возможностей; 2) быстро развивающиеся технологические инновации, на основе которых можно создать новые боевые возможности; 3) технологии, находящиеся в стадии разработки или уже применяемые в гражданском секторе, которым потенциально можно найти применение в военной сфере. Что касается конкретных технологий, то их набор в Запросе существенно отличался от того списка, который обозначал Ч. Хейгл, и ограничивался пятью технологиями ВВТ: космические технологии, технологии для действий под водой, технологии, обеспечивающие доминирование в воздухе и нанесение эффективных ударов по наземным и морским целям (*air dominance and strike*); технологии для противовоздушной и противоракетной обороны и пр.

В то же самое время, в публичных заявлениях представители Минобороны продолжают мыслить в большей степени в категориях конкретных технологий, нежели сфер их боевого применения. Так, например, в январе 2015 г. Катрина Макфарленд, помощник министра обороны по закупкам, технологиям и логистике, в качестве приоритетных областей для проведения исследований и разработок обозначила «автономные системы, человеческие системы и когнитивные науки, электронное оружие, квантовые вычисления, гиперзвук и работу с «большими данными» [10].

Курировать инициативу *LRRDPP* было поручено Стивену Уэлби – заместителю помощника министра обороны по системной инженерии (*Systems engineering*) [26]. Осознавая, что частный сектор обладает несравненно большими возможностями, нежели ОПК (в его узком понимании) в сфере разработки технологий больших данных и искусственного интеллекта, С. Уэлби вместе с большой группой специалистов МО почти сразу после опубликования Запроса предложений отправился в Силиконовую долину, где встретился с руководством нескольких мелких стартап-компаний, ранее не сотрудничавших с Минобороны. Одной из таких компаний стала, например, калифорнийская

* От англ. *emerge* – возникать, зарождаться.

Liquid Robotics – производитель новейших морских роботов-разведчиков, питающихся энергией океанских волн [22].

Начинание С. Уэлби было продолжено и на более высоком уровне – министром обороны Э. Картером. В конце апреля 2015 г. он посетил Стэнфордский университет, где продолжает работать бывший министр обороны США У. Перри, с трёхдневным (!) визитом. Вначале Э. Картер представил «военную киберстратегию» Америки, на которую в 2015 г. выделено 5,5 млрд. долл. и в которой большая роль отведена гражданским высокотехнологическим компаниям и их разработкам, подчеркнув намерение министерства привлекать и, что самое главное, удерживать ИТ-специалистов. Кроме того, Э. Картер объявил о планах Министерства обороны открыть представительство в Силиконовой долине, которое будет заниматься отслеживанием современных разработок и налаживанием связей МО с технологическими компаниями. В нём на первых порах будет работать не больше 15 человек, все кадровые военные [18]. Для этой службы выбрано следующее название – Экспериментальное подразделение по инновациям в области обороны (*Defense Innovation Unit Experimental – DIUX*).

В итоге на упомянутый запрос было подано около 300 заявок, в том числе и от мелких сугубо гражданских компаний, ранее не сотрудничавших с Министерством обороны [26]. Результаты обработки предложений станут основой для формирования бюджета на 2017 фин. г. в части, касающейся исследований и разработок.

Получила развитие и идея проведения военных игр. Акцент был сделан на интенсификации усилий в этой области и проведении игр с участием военных и гражданских специалистов, в том числе применительно к «гибридным войнам» с повышенной долей политического и информационно-пропагандистского компонентов.

9 февраля 2015 г. первый заместитель министра обороны Р. Уорк издал меморандум о подготовке обширного плана военных игр для восстановления навыков, «атрофировавшихся в последние годы» [36]. В нём также говорится о необходимости привлечения к военным играм экспертов из гражданской и оборонной промышленности» для обеспечения их «жизнеспособности и гибкости». Р. Уорк предлагает проводить военные игры с тремя временными горизонтами: краткосрочным (5 лет); среднесрочным (5–15 лет) и долгосрочным (более 15 лет). Военная игра с долгосрочным временным горизонтом будет осуществляться под эгидой «мозга» ряда министров обороны США – Управления комплексных оценок (УКО – *Office of Net Assessment*), уникального аналитического органа, подчиняющегося министру обороны США. УКО на протяжении более 40 лет возглавлял Эндрю Маршалл, выходец из Корпорации РЭНД, один из главных идеологов предыдущей революции в военном деле*.

В меморандуме также содержалось распоряжение провести саммит, посвящённый проведению военных игр в течение 45 дней. Саммит состоялся в апреле, и по его итогам, в частности, 5 мая 2015 г. командующий ВМС США издал соответствующее распоряжение, в котором говорилось о необходимости

* Подробнее см.: [34].

разработать интегрированный план проведения такого рода игр и представить его на утверждение не позднее 30 сентября 2015 г. [39]

Что касается **усовершенствования системы оборонных закупок**, то этот компонент ОИИ сопряжён с инициативой, известной как *Better Buying Power 3.0*. Речь идёт о новой итерации программы повышения эффективности и результативности работы системы государственного оборонного заказа в США, первая версия которой была запущена ещё в 2010 г. 9 апреля 2015 г. заместитель министра обороны по военным закупкам, технологиям и логистике Ф. Кендалл издал специальный меморандум касательно *Better Buying Power 3.0*, содержащий инструкции по реализации данной инициативы, которая, безусловно, заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного рассмотрения [40].

* * *

«Третья стратегия компенсации» и ОИИ, её стержневой элемент, вызвали достаточно бурное обсуждение в американском экспертном сообществе.

Американские эксперты осознают, что данная стратегия пользуется масштабной политической поддержкой со стороны руководства Министерства обороны. Однако в их оценках преобладает настороженность, граничащая со скептицизмом. При этом против самой инициативы эксперты не выступают, но приводят доказательства того, что идея репликации «стратегии компенсации» 1970-х годов в современных условиях может оказаться нежизнеспособной. Постараемся обобщить их аргументы:

Аргумент №1. В отличие от 1970-х годов, у США сейчас нет всеобъемлющей политико-военной или внешнеполитической стратегии, подобной «гибкому реагированию» или «сдерживанию» (*containment*) и чёткого понимания приоритетных угроз. По словам Б. Фицджеральда, директора программы по технологиям и национальной безопасности Центра за новую американскую безопасность, если Соединённые Штаты будут рассматривать весь спектр угроз и вызовов, в котором, с одной стороны, присутствует фактор Китая и России, с другой стороны, Ирана и Северной Кореи, с третьей – «Аль-Каиды» и транснациональных преступных сетей, а также вызовы кибербезопасности, то количество стратегических вызовов в рамках новой инициативы будет равно количеству сценариев в *LRRDPP* 1970-х годов. [19] Существует опасность возврата в прошлое, к фокусированию на единственном типе угрозы, исходящем от государств, и разработке слишком сложных систем вооружений, которые могут оказаться избыточными для борьбы с асимметричными угрозами.

Аргумент № 2. Предыдущие «стратегии компенсации» были успешными, но они были нацелены не на достижение победы в боевых действиях, а на изменение гипотетического соотношения сил на ТВД в интересах обеспечения стратегического сдерживания путем «лишения оппонента возможности выигрыша» (*denial*). Речь шла о том, чтобы заставить СССР сомневаться в успехе любой войны с использованием обычных сил [20].

Аргумент №3. Спектр технологий, способных обеспечить технологическое преимущество, настолько же широк, насколько и спектр стратегических вызовов. Соответственно, пишет Б. Фицджеральд, встаёт вопрос, должны ли новые исследования фокусироваться больше на какой-то одной сфере (например,

информационной, создании автоматизированных систем, биотехнологиях) или на всех сразу? Второй вариант грозит распылением усилий, первый – риском «промахнуться» и сделать ставку не на ту технологию [19].

Аргумент №4. В отличие от 1970-х годов, США сегодня не обладают ярко выраженным технологическим или финансовым превосходством над конкурентами из числа государств и частных корпораций. Более того, главным источником технологических инноваций уже стал не оборонный, а гражданский сектор, особенно, в тех технологиях, которые определены ОИИ в качестве приоритетных. «Эпл» или «Амазон» тратят на НИОКР столько же, сколько МО, и разрабатывают весьма передовые технологии (бюджет «Амазон» на НИОКР в 2014 г. составил 10 млрд. долл. – сумма, в которую вошли и средства на разработку нового инновационного ракетного двигателя на метане) [20].

Аргумент №5. Коммерческие компании совсем не обязательно будут заинтересованы в том, чтобы работать на Министерство обороны США. Во-первых, рынок военной продукции всё равно значительно уже рынка гражданской продукции, во-вторых, система закупок в оборонном секторе очень усложняет компаниям процесс «входа на рынок». Сегодня в США происходит как раз обратный процесс. Так, например, та же корпорация «Амазон» приобрела несколько компаний по производству роботов, которые начинали свою деятельность, выполняя военные заказы, и переориентировала их исключительно на производство продукции гражданского назначения [20].

Важнейший из представленных аргументов – обвинение в адрес Министерства обороны в отсутствии чёткого понимания того, против кого именно направлена СК-3. Вместе с тем, с нашей точки зрения, ответ здесь вполне очевиден – достаточно лишь вчитаться в тексты выступлений и документов, посвященных ОИИ и *LRRDPP*. С самого начала в качестве ключевого стимула к запуску новой «стратегии компенсации» называлось появление у других государств технологий «противодействия доступу на ТВД/недопущения в зону боевых действий» (*anti-access/area denial – A2/AD*), а это вполне определённым образом указывает на КНР, в XXI веке ускоренными темпами модернизирующей свои вооружённые силы именно в этом направлении*. Подтверждение этому можно найти и в совместном заявлении заместителя министра обороны по закупкам, технологиям и логистике Ф. Кендалла, заместителя помощника министра обороны по исследованиям и инжинирингу А. Шаффера и директора Агентства перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ А. Прабхакар, подготовленном к апрельским слушаниям подкомитета по обороне сенатского комитета по ассигнованиям. Как следует из текста, ключевую угрозу США видят в Китае, разработавшем и развернувшем ряд самых современных систем вооружений, способных нанести поражение американским силам передового базирования (многочисленные высокоточные крылатые и баллистические ракеты, предназначенные для нанесения ударов по авианосцам и передовым базам на ТВД, ракеты «воздух-воздух», усовершенствованные подводные лодки, ударная авиация, киберору-

* Подробнее о военной политике Китая на современном этапе и её восприятии Соединёнными Штатами, см., например: [1; 4].

жие и противоспутниковые средства нового поколения и др.). Хотя в тексте заявления содержится оговорка о том, США не «ожидают военного конфликта с Китаем, они не допустят того, чтобы США в области военных технологий отставали от кого-нибудь или были наравне с кем-то» [43, p.3]. Помимо Китая беспокойство США вызывают также Россия, Иран и Северная Корея. На указанных слушаниях был озвучен и другой важный вывод: «Даже если отношения с этими странами останутся мирным, и до военного противостояния дело не никогда не дойдет, технологии, которые вызывают обеспокоенность, обязательно попадут и к другим государствам, вероятность конфликта с которыми может быть выше» [43, p.4].

Иными словами, есть все основания полагать, что в реализации СК-3 США будут ориентироваться, в первую очередь, на обеспечение технологического превосходства над КНР как над своим главным соперником в АТР. На это указывает и тот факт, что в упомянутом выше Запросе предложений к программе *LRRDPP* оговорено, что цель состоит в разработке таких технологий, которые обеспечат военное превосходство на перспективу до 2030 года при проведении операции против «*равного или почти равного соперника*» (курсив наш – авторы).

Однако очень многие американские эксперты сомневаются в том, что США смогут добиться технологического превосходства над КНР в долгосрочной перспективе. По мнению профессора департамента стратегических исследований Военно-морского колледжа США П. Домбровски, «руководство КНР прекрасно осведомлено о своих военных преимуществах и уязвимых точках США, ...нет почти никаких сомнений в том, что обретший дополнительную уверенность в собственных силах и относительно богатый Китай адаптируется к «третьей стратегии компенсации» [16, p.10].

Более того, часть экспертов полагает, что подготовка к «большой войне» и концентрация усилий на обеспечении технологического превосходства над «равным или почти равным соперником» ошибочна сама по себе. Так, например, Б. Локс – старший аналитик в «Авасент групп» (*Avascent Group*) подчёркивает: «Источником ряда крупных военно-стратегических вызовов для США, особенно, в АТР, является Китай. Однако, как показала история, асимметричные боевые действия ведутся в настоящее время и станут только опаснее в будущем» [21]. Сравнивая СК-3 с её предшественницами, тот же Б. Локс подчёркивает, что ещё не так давно США и их союзники по НАТО имели одну общую угрозу в лице СССР, а масштабные инвестиции в новейшие технологии, которые делали США, подталкивали европейские страны к увеличению собственных военных расходов. Сегодня же ситуация принципиально иная. «Узкий фокус на противодействии угрозе, исходящей от Китая, обладающего технологиями А2/AD может успокоить союзников США в Восточной Азии, но будет не слишком способствовать укреплению взаимоотношений с европейскими странами или союзниками США на Ближнем и Среднем Востоке», поскольку первые сосредоточены на угрозе исламского терроризма и усилении России, а вторые – на противодействии Ирану и ИГИЛ/«Аль-Каиде» [21].

* * *

Несмотря на скептицизм экспертов, идеи СК-3 получают отражение в доктринальных документах США.

Так, в «Стратегии национальной безопасности США» 2015 г. говорится: «Мы будем оберегать от сокращений наши инвестиции в базовые силы и средства (*capabilities*), такие как силы ядерного сдерживания, а также наращивать инвестиции в ключевые сферы, такие как кибертехнологии; космические технологии и средства разведки. Мы будем развивать нашу научную и технологическую базы для обеспечения превосходства в возможностях (*capabilities*), необходимых для достижения победы над любым противником» [29]. В Национальной военной стратегии (*National Military Strategy*), обнародованной в июне 2015 года, распространение технологий обозначено в качестве одной из трёх важнейших черт современной стратегической обстановки, наряду с глобализацией и демографическими сдвигами [28]. Оборонная инновационная инициатива упоминается в данной стратегии напрямую [28, p.16].

Что ещё более важно – у «Третьей стратегии компенсации» появляется не только доктринальное, но и вполне осязаемое финансовое подкрепление. Сенат США, в котором сейчас преобладают республиканцы, с энтузиазмом отнёсся к идее СК-3, и хотя администрация в проекте бюджета на 2016 фин. г. не запрашивала отдельного финансирования на эти цели, решил «забежать вперед». Ключевую роль в этом плане сыграл сенатор Дж. Маккейн, ныне возглавляющий комитет по делам вооружённых сил. Его бывшие советники как раз и руководят Центром за новую американскую безопасность, а сам сенатор выступает активным сторонником усиления взаимодействия между МО и Силиконовой долиной [25]. В значительной степени по инициативе Дж. Маккейна в согласованную обеими палатами Конгресса 29 сентября 2015 г. версию законопроекта об ассигнованиях средств на национальную оборону была включена статья 218, которая предусматривает запуск отдельной «программы Министерства обороны по созданию технологического противовеса в целях укрепления и поддержания военно-технологического превосходства США». Данную цель предполагается достичь посредством: 1) разработки и боевого применения технологий, которые помогут компенсировать технологические преимущества потенциальных противников США, в их числе: оружие направленной энергии, низкозатратные высокоскоростные средства поражения, автономные системы (роботы), подводное оружие, кибертехнологии и анализ разведанных (технологии должны быть разработаны с использованием средств, выделенных на исследования Министерством обороны) и ускорения коммерциализации данных технологий; 2) разработки и применения новых процедур, в том числе в сфере закупок и бизнес-механизмов.

Предполагается, что в течение года с момента утверждения законопроекта Министр обороны издаст соответствующие директивы, которые установят критерии подачи заявок на финансирование видами войск, оборонными агентствами и боевыми командованиями; цели разработок и соответствующие требования к процессу разработки и коммерциализации технологий; приоритеты в размещении в войсках или коммерциализации прорывных технологий; критерии оценки заявок.

Законопроект предусматривает объём финансирования на исследования в интересах разработки полномасштабных программ НИР и ОКР по соответствующим направлениям в размере до 400 млн. долл. в год, из которых не более 200 млн. может быть потрачено на разработку оружия направленной энергии [27] Срок действия программы составляет 5 лет – до 30 сентября 2020 года.

Относительно небольшие (в масштабах общего военного бюджета США) суммы, выделяемые для разработки программы ОИИ, а также разногласия в определении набора приоритетных технологий для реализации СК-3 говорят о том, что пока ещё контуры новой РВД определены не до конца. Тем не менее, анализ исторического опыта дает основания полагать, что этой инициативе уготована долгая жизнь, и она отражает изменения не только в научно-технологической политике США, но и в их политико-военной стратегии на обозримую перспективу.

Это вполне соотносится с установками, зафиксированными в важнейшем доктринальном документе «Стратегические указания в области обороны» под названием «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты для обороны в XXI веке», опубликованном в январе 2012 г. В нём содержится обещание «содействовать развитию инновационной культуры., сочетая сокращения, предопределяемые бюджетными ограничениями, с поддержкой ключевых направлений инноваций, которые могут принести значительные дивиденды в долгосрочной перспективе» [38, p.8].

Процессу планирования военного строительства в США присуще системное стратегическое видение, что обеспечивает согласованность фаз планирования и программирования с фазой бюджетирования. Бюджетные ограничения дают мощный стимул для запуска новой революции в военном деле, при этом США уже научились управлять режимом бюджетной экономии таким образом, чтобы он не мешал им закладывать основы обеспечения лидерства (в том числе технологического) на долгосрочную перспективу.

По-видимому, ставка делается на то, чтобы Соединённые Штаты имели максимально возможные относительные преимущества над любым другим субъектом мировой политики. Из этого следует, что главными задачами США в новых условиях будут:

- во-первых, минимизация числа самостоятельных (обладающих реальным суверенитетом) участников борьбы на поле мировой политики;

- во-вторых, обесценивание (нейтрализация) тех преимуществ, которыми могут располагать государства, остающиеся в числе самостоятельных участников.

Именно с необходимостью решения второй из названных задач мы связываем выбор термина *offset* для обозначения сути новой американской стратегии. Обесценить преимущества оппонентов США рассчитывают с помощью тех возможностей, которые они смогут приобрести посредством освоения результатов новой революции в военном деле. В её подготовке, как и в прошлом, решающую роль должны сыграть технологические инновации, управление которыми (как в оборонном, так и в гражданском секторах) составляет один из приоритетов нынешнего военного руководства США.

Список литературы

1. Батюк В.И. Военная политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе при администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Серия 25. 2012/ Международные отношения и мировая политика. № 3. С. 29–48. [Batjuk V.I. The U.S. Defense Policy in the Asia-Pacific under the Obama Administration // Moscow University Journal of World Politics. 2012. №3. P. 29–48].
2. Варшавский А.Е., Макарова Ю.А. Анализ особенностей финансирования сферы НИОКР оборонно-промышленного комплекса на этапах роста и снижения военных расходов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. №18. С.2–16. [Varshavskii A.E., Makarova Yu. A. Analysis of Defense Industry Complex R&D Financing at the Stages of Growth and Reduction of Military Expenses // National Interests: Priorities and Security. 2014. №18. P. 2–16].
3. Картер Э.Б., Перри У. Дж. Превентивная оборона: Новая стратегия безопасности США [Пер. с англ.] / Рос. акад. наук. Ин-т проблем международной безопасности. М.: Наука, 2003. [Carter, Ashton B. and William James Perry. 1999. Preventive Defense: A New Security Strategy for America M.: Nauka, 2003. (Russ. Ed.)].
4. Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949–2014 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. №4. С.106–129. [Kashin V.B. Towards Global Military Power: Evolution of Chinese Military Policy in 1949–2014 // Moscow University Journal of World Politics. 2013. №4. P.106–129].
5. Кокошин А.А. Революция в военном деле и проблемы создания современных вооружённых сил России // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 46–62. [Kokoshin A.A. Revolution in Military Affairs and the Problems of Modernization of the Russian Armed Forces // Moscow University Journal of World Politics. 2009. №1. P. 46–62].
6. Корсаков Г.Б. О военных инновациях и стратегических концепциях в США // США ✧ Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 1. С. 71–88. [Korsakov G.B. On Military Innovations and Strategic Concepts in the United States // USA ✧ Canada: Economic, Politic, Culture. 2013. №1. P. 71–88].
7. Крепиневич Э. Стратегия в эпоху жёсткой экономии // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. С. 60–71. [Krepinevich E. Strategy in a Time of Austerity // Russia in Global Affairs. 2013. № 2. P. 60–71].
8. Фарамазян Р.А. Военный бюджет США // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №6. С.47–56. [Faramazyan P.A. The US Military Expenditures // World Economy and International Relations. 2013. №6. P.47–56].
9. Belasco A. Defense Spending and the Budget Control Act Limits. Congressional Research Service Report # R44039. 22.07.2015. Available to: <https://www.fas.org/sgp/natsec/R44039.pdf>.
10. Bertuca T. Pentagon's Long Range Research and Development Plan RFI Extended // Inside the Pentagon. 15.01.2015.

11. *Brimley S., Fitzgerald B., Sayler K.* Game Changers. Disruptive Technology and U.S. Defense Strategy // Center for a New American Security. September 2013. Available to:
http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_Gamechangers_BrimleyFitzGeraldSayler_0.pdf.
12. Budget Control Act (BCA). Pub. L. 112–25, S. 365, 125 Stat. 240, enacted 02.08.2011. Available to: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-112publ25/html/PLAW-112publ25.htm>.
13. *Carter A.B., White J.P.* Keeping the Edge: Managing Defense for the Future. Cambridge, Mass, MIT Press, 2000. 352 p.
14. *Colby E.* Nuclear Weapons in the Third Offset Strategy: Avoiding a Nuclear Blind Spot in the Pentagon's New Initiative // Center for a New American Security, February 2015. Available to:
<http://www.cnas.org/sites/default/files/publications-pdf/Nuclear%20Weapons%20in%20the%203rd%20Offset%20Strategy.pdf>.
15. Directed Energy Missile Defense in Space: A Background Paper. Washington, D. C.: U.S. Congress, Office of Technology Assessment. OTA-BP-ISC-26. April 1984. Available to:
<https://www.princeton.edu/~ota/disk3/1984/8410/8410.pdf>.
16. *Dombrowski P.* Policy Report America's Third Offset Strategy New Military Technologies and Implications for the Asia Pacific. Policy Report, June 2015. Available to: http://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/06/PR150608_Americas-Third-Offset-Strategy.pdf.
17. Draft Summary Report of the Long-Range Research and Development Planning Program, Jointly Sponsored by Defense Advanced Research Projects Agency and Defense Nuclear Agency. Prepared by D.A. Paolucci. 7.02.1975. Available to: <http://albertwohlstetter.com/writings/19750207-PaolucciEtAl-Draft-LRRDPP.pdf>.
18. Drell Lecture: "Rewiring the Pentagon: Charting a New Path on Innovation and Cybersecurity" (Stanford University) As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Palo Alto, CA, 23.04.2015. Available to:
<http://www.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1935>.
19. *FitzGerald B.* Technology Strategy Then and Now – The Long Range Research and Development Planning Program. 21.10.2014. Available to:
<http://warontherocks.com/2014/10/technology-strategy-then-and-now-the-long-range-research-and-development-planning-program/>.
20. *Gouré D.* The Pentagon's New Offset Strategy Faces Major Hurdles. 9.04.2015. Available to: <http://lexingtoninstitute.org/the-pentagons-new-offset-strategy-faces-major-hurdles/#sthash.VtOv5QhK.ftY6CK6T.dpuf>.
21. *Locks B.* Bad Guys Know What Works: Asymmetric Warfare and the Third Offset // War on the Rocks, 23.06.2015. Available to:
<http://warontherocks.com/2015/06/bad-guys-know-what-works-asymmetric-warfare-and-the-third-offset/2/>.
22. *Markoff J.* Pentagon Shops in Silicon Valley for Game Changers // The New York Times. 27.02.2015. Available to:

http://www.nytimes.com/2015/02/27/science/pentagon-looking-for-edge-in-the-future-checks-in-with-silicon-valley.html?_r=0.

23. *Martinage R.* Toward a New Offset Strategy: Exploiting U.S. Long-Term Advantages to Restore U.S. Global Power Projection Capability // Center for Strategic and Budgetary Assessments. 27.10.2014. Available to: <http://csbaonline.org/publications/2014/10/toward-a-new-offset-strategy-exploiting-u-s-long-term-advantages-to-restore-u-s-global-power-projection-capability/>.

24. *Mayer M. et al. (eds)*, The Global Politics of Science and Technology. Berlin: Springer-Verlag, 2014. 302 p.

25. *McCain J.* How to Get Silicon Valley to Help the Pentagon // War on the Rocks. 10.06.2015. Available to: <http://www.wired.com/2015/06/sen-mccain-get-silicon-valley-help-pentagon/>.

26. *McLeary P.* DoD Wargaming Push To Study Tech Capabilities. // DefenseNews.com. 28.02.2015. Available to: <http://www.defensenews.com/story/defense/policy-budget/policy/2015/02/28/pentagon-war-game-dii-work-welby-lrrdpp-technology/24120331/>.

27. The National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016. Conference Report to Accompany H.R. 1735. 114th Congress. 1st Session. Available to: docs.house.gov/billthisweek/20150928/CRPT-114HRRPT270.pdf.

28. The National Military Strategy of the United States of America 2015. The United States Military's Contribution To National Security. June 2015. Available to: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf.

29. The National Security Strategy of the United States of America. February 2015. Available to: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf.

30. *Newmyer J.* The Revolution in Military Affairs with Chinese Characteristics // Journal of Strategic Studies. 2010. Vol.33. №4. P. 483-504.

31. Noetic Group. Project Nextech. Available to: <http://noeticgroup.com/case-studies/project-nextech/>.

32. *Perry W.J.* Desert Storm and Deterrence // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. № 4. P. 66-82.

33. Reagan National Defense Forum Keynote. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel, Ronald Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA, Saturday, 15.11.2014. Available to: <http://www.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1903>.

34. *Rosen S.P.* The Impact of the Office of Net Assessment on the American Military in the Matter of the Revolution in Military Affairs // Journal of Strategic Studies. 2010. Vol. 33. №4. P. 469-482.

35. Speech by Deputy Secretary of Defense Bob Work at the National Defense University. 5.08.2014. Available to: <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1873>.

36. U.S. Deputy Secretary of Defense. Wargaming and Innovation. Memorandum. 9.02.2015. Available to: (<https://paxsims.files.wordpress.com/2015/04/osd-memowargaming-innovationdepsecdefworkfeb15.pdf>).

37. U.S. Secretary of Defense. The Defense Innovation Initiative. Memorandum. 15.11.2014. Available to: <http://www.defense.gov/pubs/OSD013411-14.pdf>.

38. U.S. Secretary of Defense. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 2012. Available to: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf.

39. U.S. Secretary of the Navy. Wargaming. Memorandum for Chief of Naval Operations and Commandant of the Marine Corps. 05.05.2015. Available to: <http://www.secnav.navy.mil/innovation/Documents/2015/05/WargamingMemo.pdf>.

40. U.S. Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology and Logistics. Implementation Directive for Better Buying Power 3.0 – Achieving Dominant Capabilities through Technical Excellence and Innovation. 09.04.2015. Available to: [http://www.acq.osd.mil/fo/docs/betterBuyingPower3.0\(9Apr15\).pdf](http://www.acq.osd.mil/fo/docs/betterBuyingPower3.0(9Apr15).pdf).

41. Washington Headquarters Services. Long Range Research and Development Plan (LRRDP) Request for Information. December 2014. Available to: <http://online.wsj.com/public/resources/documents/offsetrfi1203.pdf>.

42. *Weiss Ch.* Science, Technology and International Relations // *Technology in Society*. 2005. №27. P. 295-313.

43. Witness Statement of Hon. Frank Kendall, Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology & Logistics, Mr. Alan Shaffer, Principal Deputy Assistant Secretary of Research And Engineering, Dr. Arati Prabhakar, Director, Defense Advanced Research Projects Agency. Testimony Before the Senate Appropriations Subcommittee on Defense. 22.04.2015. Available to: <http://www.appropriations.senate.gov/sites/default/files/hearings/042215%20DoD%20Innovation%20and%20Research%20-%20Joint%20Testimony%20-%20SAC-D.pdf>.

Launching a Revolution in Military Affairs in the Age of Austerity: New Initiatives of the U.S. DoD

(*USA ❖ Canada Journal*, 2015, No.11, p. 3-22)

Received 5.08.2015.

KOKOSHIN Andrey Afanasievich, Lomonosov Moscow State University (MGU), Russian Academy of Sciences. 1-52, Leninskiye Gory, Moscow, 119991 Russian Federation (dekanat@fmp.msu.ru);

BARTENEV Vladimir Igorevich, Lomonosov Moscow State University (MGU), Russian Academy of Sciences. 1-52, Leninskiye Gory, Moscow, 119991 Russian Federation (vves@fmp.msu.ru).

VESELOV Vasily Alexandrovich, Lomonosov Moscow State University (MGU), Russian Academy of Sciences. 1-52, Leninskiye Gory, Moscow, 119991 Russian Federation (vves@fmp.msu.ru)

Acknowledgments: This work has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 'The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability'.

In November 2014 the U.S. Department of Defense officially launched a new Defense Innovation Initiative, which is meant to form the basis for the Third Offset Strategy aimed at ensuring the US dominance in defense technologies throughout the XXI century and making the next revolution in military affairs regardless of budget constraints. This paper examines the origins, substance, and key components of this initiative, as well as the factors that might hinder its implementation. It concludes with assessing of the role that these US plans to accomplish the new RMA are supposed to play in achieving the goals of the long-term national security strategy of the United States in the XXI century. **Keywords:** United States, revolution in military affairs, technological dominance, national security, budget constraints, defense spending, research and development, defense policy.

About the authors:

KOKOSHIN Andrey Afanasievich – Dr.Sc. (Hist.), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the School of World Politics, (dekanat@fmp.msu.ru).

BARTENEV Vladimir Igorevich – PhD (Hist.), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes and Director of Center for Security and Development Studies, School of World Politics (vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

VESELOV Vasily Alexandrovich – Senior Lecturer, Chair of International Security, School of World Politics (vves@fmp.msu.ru)